

AB

Книги Анны Берсеновой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины

Ревнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Ядовитые цветы
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

Женщины да Винчи

Анна
Берсенева
Владимир
Сотников



Вангелия

роман



ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении книги использована
репродукция картины Ю. Н. Панцырева
«Натюрморт с каминными часами»

Берсенева, Анна.

Б 51 Вангелия : роман / Анна Берсенева, Владимир Сотников. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-75450-2

Эта книга написана по сценарию первого в мире художественного фильма о болгарской ясновидящей Ванге. Знаменитая прорицательница, предсказавшая многие события современной истории, предстает не только как загадочный человек с необъяснимыми способностями, но и как женщина, судьба которой наполнена драматичными перипетиями и динамикой сильных чувств. При этом она всегда оправдывала значение своего имени Вангелия — «та, что несет благу весть».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-75450-2

© Сотникова Т., Сотников В., 2013
© Панцырев Ю.Н., иллюстрация, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

Теперь их оставалось только оплакивать — это понимали все.

Закончилось время, когда еще можно было надеяться, что на «Курске» остались живые, когда слышно было еще, как стучат они изнутри затонувшей подводной лодки, надеясь на помощь.

Помощь не пришла, и мир ужаснулся этому даже больше, чем самой катастрофе «Курска», и оплакивал теперь его команду со всей искренностью, на которую способно человеческое сердце.

И в эти первые дни после того, как стало понятно, что «Курск» погиб, у многих всплыло в памяти пророчество, сделанное когда-то слепой болгарской женщиной: «Курск скроется под водой, и весь мир будет его оплакивать».

В тот год, когда оно прозвучало — за много лет до катастрофы, — в него никто не поверил. Это и понятно: с чего вдруг город, лежащий в лесостепной полосе, должен скрыться под водой? Где рядом с Курском такие реки, которые могут нести подобную угрозу? Тогда люди говорили об этом пророчестве в основном со словом «якобы».

И вот теперь оно приобрело совсем иной смысл, и женщина, которая его сделала, снова, через четыре года после своей смерти, оказалась в фокусе всеобщего внимания, как это было при ее жизни. Немало людей, узнавших о тех ее словах только теперь, чувствовали суеверный ужас.

Но те, кто близко знал ее при жизни, относились иначе и к пророчеству о «Курске», и ко всем другим ее предсказаниям, и к ней самой... Многие из них, близких, растревожены были сейчас воспоминаниями о ней и потому пристально вглядывались в прошлое — в каждое мгновение ее жизни.

С того первого мгновения, когда явилась на свет ее душа.

ЧАСТЬ I

Глава 1

— *Д*ай нашей дочке имя... — голос роженицы еле доносился из угла, где стоял ее топчан. — Пойдите, прохожего спросите. Как положено...

Отец новорожденной девочки, конечно, знал, как положено: кто-нибудь из родни должен выйти на улицу и спросить у первого встречного, как назвать младенца. И как этот случайный человек скажет, так тому, значит, и быть. Но зачем же делать это сейчас?

— Куда спешить? — сказал отец девочки. — Вряд ли она выживет.

Он не то чтобы не хотел исполнить старинный обряд. Просто рассудил, что незачем тратить время на пустое дело — видно ведь, что младенец не жилец. Родилась эта девочка прежде срока, а когда ее завернули в овчину и положили на теплую печь, то даже не захныкала. Да и сейчас надо очень внимательно прислушаться, чтобы различить ее дыхание. Так зачем же ей имя? Не понадобится.

Отец девочки не был злым. Но какой крестьянин рассудил бы иначе? Тем более если этот крестьянин так беден, как Панде Сурчев, у которого только что родилась дочка. Да, родилась... Панде впервые понял,

что почему-то совсем и не думает об этом событии. Но разве он виноват в том, что нужда его задавила и думать он может только о хлебе насущном?

— Ладно тебе, Панде, — голос его матери прозвучал почти укоризненно. Она оглянулась на роженицу и понизила голос. — Как бы Параскева сама не померла. — И сказала уже громко, успокаивая невестку: — Не плачь. Я пойду спрошу имя.

Параскева все равно заплакала. Понятно, жалко ей, что девочка помрет, все-таки первый ребенок. Бабка недовольно покачала головой и вышла на улицу.

Ночь была такая, какой бывает она только в горах зимой — совершенная в своей красоте. Даже бабка, привыкшая и к величественным горным вершинам, и к ярким звездам, залюбовалась ими сейчас. Все, что происходит под таким небом, происходит ведь не только в жизни человеческой, но и во всем мироздании, законы которого человеку не узнать никогда.

Но одну лишь секунду смотрела бабка на горы и звезды. Не за тем она вышла из дому поздним вечером да и на свет не за тем родилась, чтобы попусту в небо пялиться. А зачем она родилась? Да кто же это знает, и зачем же это знать?!

— Здравствуй, Магдалена, — сказала бабка. Хорошо, что первым попался ей на сельской улице не чужой человек, а соседка. — Как назвать мою внучку?

— Уже родилась? — Магдалена посмотрела с интересом. — Что-то рановато.

«Вот злыдня! — подумала бабка. — Уже прикидывает, не обрухатил ли кто невестку, пока сын батрачить уходил! Будто я не знала бы, если б так».

Но женщины есть женщины, им лишь бы посудачить, не ругаться же из-за этого с соседкой.

— Скажи имя, — поторопила бабка.

— Назови Андромахой, — со злорадным удовольствием проговорила Магдалена.

«Вот же подлая! — сердито подумала бабка. — И знает ведь, что отказываться нельзя».

В селе Струмице кто только не живет — и греков хватает, и македонцев, и сербов. Но Панде Сурчев к ним ко всем при чем?

— Андромаха? — пожала плечами бабка. — Зачем девочке греческое имя? Ведь мы болгары.

— Ну и что? — Лицо Магдалены расплылось в лживой улыбке. — У меня невестка Андромаха. Такая красавица!

«Не чета твоей», — прочитала бабка в ее глазах.

Что отвечать такой ехидне? Бабка и не ответила — пошла дальше. И только за околицей пробормотала себе под нос:

— Зачем девочке чужое имя? Бог с ним, с обычаем!

Она уже решила придумать имя сама, но тут увидела в темноте еще какую-то тень. Это был мужчина, и совсем не знакомый. Бабка даже замедлила шаг — мало ли кто бродит ночами! Может, ограбить хочет. Но и не бежать же от прохожего, тем более что имя для внучки так еще и не выбрано.

Бабка пошла навстречу незнакомцу. И чем ближе она подходила к нему, тем спокойнее ей почему-то становилось. Словно шла впереди него теплая волна, хотя быть этого, конечно, не могло: холодно зимою в горах, а эта зима, 1911 года, выдалась особенно морозной и снежной.

— Вечер добрый! — громко сказала бабка. Прохожий не остановился. — Скажи, как мне назвать мою внучку?

— Вангелия, — ответил он не задумываясь.

— Вангелия? — удивилась бабка.

Все было странно в этом человеке: и тепло, словно бы идущее впереди него, и уверенность, с которой он назвал имя для девочки.

— Вангелия, — повторил незнакомец. — Знаешь, что это означает? Та, что несет благовую весть.

Этого бабка не знала. Но имя ей понравилось. Даже жаль, что такое красивое имя достанется внучке, может, совсем не надолго. Она чуть не сказала об этом прохожему, но спохватилась, что говорить такое, пожалуй, нехорошо. Впрочем, он ничего и не спрашивал — шел куда-то за околицу и даже не оглядывался.

Бабка уже почти перестала различать его силуэт в темноте — звезды-то дают свет только небу, не людям, — когда он все же приостановился, обернулся и повторил, словно беспокоился, что она не расслышала:

— Вангелия, Вангелия!

И исчез.

И как только этот странный прохожий скрылся из глаз, тьма, в которую он погрузился, вдруг осветилась. Бабка увидела, как взвихрился на каменистой земле снег, и показалось ей, что взвихрился он под копытами скачущего коня. Конь скакал не один — со всадником. Разглядеть его получше бабка не успела — успела только перекреститься. Слишком уж необыкновенным был этот сияющий всадник, страшно встретить такого в ночных горах, страшно видеть, как растворяется вдали его силуэт.

Она смотрела вслед всаднику, оторопев от... нет, не от страха даже, а от чувства, которого никогда в жизни не испытывала. Горы, звезды, тьма, свет — все это подступило к ней совсем близко, сделало ее своей частью. Да, она стала частью того, что по-прежнему оставалось для нее непонятным. Какой-то другой мир, неведомый, коснулся ее своим дыханием.

Бабка перекрестилась еще раз, для верности, зачем-то повторила:

— Вангелия, — и, потуже завязав платок, все ускоряя шаг, пошла обратно в село.

В самом начале улицы она все-таки не выдержала, оглянулась. Всадник скакал через снежное поле к горам. Он удалялся от нее, но силуэт его становился при этом крупнее, яснее, отчетливее. Бабка остолбенела и не пошла уже к селу, а побежала.

Дома все было по-прежнему. Лежала на топчане бледная как смерть роженица. Бабке вдруг показа-

лось, что лицо невестки, сделавшееся после родов каким-то прозрачным, светится тем же светом, что и снег под летящим в горы всадником. Ей стало так страшно и так странно, что она перекрестилась снова.

— Нашли имя? — спросила невестка.

Голос ее был уже не просто тих — он напоминал шелест ветра в зимних ветках.

«Не жилица», — снова подумала бабка.

И ответила, кивнув:

— Нашла. Пусть будет Вангелия. Та, что несет благую весть, — зачем-то объяснила она.

Может, не надо было говорить такое умирающей. Но та как будто обрадовалась.

— Пусть будет счастливая... — еле заметно улыбнувшись, сказала Параскева.

И закрыв глаза, впала в забытье. Подошел Панде, встал рядом с бабкой.

— Не выживет твоя жена, — сказала та. — Как будешь дочку один растить? — И добавила: — Ну, может, и дочка тоже не выживет.

Панде смотрел хмуро. А чему радоваться? Хоть так, хоть этак — одно горе.

Бабка же тем временем не думала уже ни об умирающей невестке, ни о едва дышащей внучке. Она вспоминала всадника и спрашивала себя: был ли он? И себе же отвечала: да нет, померещилось — не могло его быть. Но мысли этой, наверняка правильной, она тем не менее не верила.

Ни до, ни после этой ночи не испытывала она такого странного, пугающего чувства — прикосновения к тайне, которая больше ее самой и больше мира, ее окружающего.

Глава 2

— Скучно, — сказала Зорица. — Во все уже поиграли.

Мирослав насупился. Он всегда спорил с сестрой, но на этот раз не стал, потому что ему тоже было скучно. С девчонками всегда так. Что они могут придумать интересного?

— А пускай Ванга что-нибудь найдет! — предложила Зорица.

Мирослав сразу оживился. Все-таки сестра иногда соображает!

— Ага, давай, — кивнул он, повернувшись к Вангелии, которая как раз заворачивала в косынку полено — вроде бы это кукла.

— Я уже сколько раз находила! — Вангелия покачала головой; ее голубые глаза укоризненно сверкнули. — Я вам что, собачонка на ярмарке?

— Ну Ва-анга!.. — просительно протянула Зорица. — Ну, ску-учно же! Ну найди-и!

Мирослав, конечно, ныть не стал, лишь бросил на Вангелию тот взгляд, которому, он давно это понял, она не умеет противиться — обязательно сделает,

что он хочет. Точно так, Мирослав видел, смотрел на женщин его отец. И хоть Вангелия не женщина, а просто семилетняя девчонка, но, наверное, главное не то, сколько женщине лет, а что-то другое.

— Ну ладно, — кивнула Вангелия. — Что вам найти?

— Мою куколку! — воскликнула Зорица.

— Мой ножик, — предложил Мирослав.

Зорица достала из кармана юбки самодельную ку-клу из соломы. Мирослав вынул из кармана штанов заветный перочинный ножик — отец подарил в прошлом году, когда Мирославу исполнилось двенадцать лет. Оба они протянули свои сокровища Вангелии.

Та взяла куколку, подержала в руках, будто убаю-кивая, и вернула Зорице. Потом точно так же взяла ножик, но даже не раскрыла его — девчонка же, им такое неинтересно, — а тоже словно бы покачала, как куклу. И тоже вернула. Она всегда так делала, прежде чем начать увлекательную для всех игру в поиски спрятанного.

Зорица сняла с головы косынку, протянула Мирославу.

— На, завяжи. Через нее ничего не видно, — сказала она.

Мирослав взял у сестры косынку и завязал Вангелии глаза. При этом он успел еще разок в них заглянуть. Даже сам себе Мирослав не признавался, что готов смотреть в глаза этой девчонки долго-долго. Почему? Он и сам не знал. Глаза у нее были самые

обыкновенные, да и сама она была обыкновенная, но... Но какая-то особенная. Завораживала, как огонь или вода. А как такое может быть — непонятно. Думай что хочешь.

Потом он взял Вангелию за плечи и повернул ее к себе спиной. Теперь она уж точно не могла видеть, что он делает. А он и не стал ничего делать — протянул куколку и ножик сестре и кивнул: мол, прячь ты. И пока Зорица тихонько, на цыпочках кралась к соседскому плетню, на котором сушились выстиранные домотканые скатерти, Мирослав старательно елозил ногами по траве, чтобы Вангелия не могла слышать ее шаги.

Да, он был уверен, что она не могла их слышать. Но когда снял с ее глаз косынку, то она лишь совсем чуть-чуть помедлила — постояла, склонив набок голову, словно прислушиваясь к себе, — а потом уверенно пошла к плетню.

— Ты слышала, как я шуршала! — закричала Зорица, когда Вангелия приподняла висящую на плетне скатерть и выудила из-под нее куколку и ножик; Зорица прикрепила их к прутьям.

— Ты не шуршала, — возразила Вангелия. — И ничего я не слышала.

— Слышала!

— Не слышала!

— А как тогда узнала, где я спрятала?

— Не знаю!

Тут Вангелия, кажется, сама удивилась. Мирославу